

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

РОССИЯ – КИТАЙ И США – КИТАЙ: ОТНОШЕНИЯ НОВОГО ТИПА

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД

МОСКВА
ИМЭМО РАН
2010

УДК 327.5
ББК 66.4(5Кит)
Россия 768

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Издание осуществлено при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00057 а/Р

Научное редактирование—Е.А. Ключева

Россия 768

Россия-Китай и США-Китай: отношения нового типа (научный доклад) / Авт. колл. – В.Б. Амиров, В.В. Михеев, М.А. Потапов.–М.: ИМЭМО РАН, 2010.–31 с.

ISBN 978-5-9535-0266-5

В рамках проекта «Многополярный мир: отношения соперничества и сотрудничества России, Китая и США в Восточной Азии» авторы исследуют возможные модели (варианты) развития отношений между Россией, Китаем и США. Актуальность проблемы в том, что сегодня происходит начальное формирование отношений нового типа в рамках взаимосвязи России, Китая и США. И от того, какой вектор будет задан их развитию, в решающей степени зависит глобальная и региональная безопасность. Отношения России, Китая и США имеют глобальное измерение, и в этом смысле тема исследования носит всеобъемлющий и долгосрочный характер. Однако в данной работе авторы фокусируют внимание именно на Восточной Азии – регионе, где наиболее выпукло представлены пересекающиеся интересы Китая и США, и который приобретает все возрастающее значение для России.

Russia – China and USA – China: A new type of relations. A Report. Amirov V., Mikheev V., Potapov M.

The project “Multipolar World: Competition and Cooperation between Russia, China and the USA in Eastern Asia” deals with possible variants (models) of developing relations between Russia, China and USA. In favor of importance of the problem tells the fact that three states are going through initial stage of forming of new type of relations between them. A global and regional security crucially depends on in what direction those trilateral relations will develop. Ties between Russia, China and USA have a global dimension. In that sense the research subject requires comprehensive and long-term assessments. But in this report authors are focusing on East Asia because in the region interests of China and the USA are particularly crossing each other, and East Asia is gaining more and more importance for Russia both economically and politically.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0266-5

© ИМЭМО РАН, 2010

© В. Амиров, В. Михеев, М. Потапов, 2010

Введение

В рамках проекта РГНФ «Многополярный мир: отношения соперничества и сотрудничества России, Китая и США в Восточной Азии» авторы исследуют возможные модели (варианты) развития отношений между Россией, Китаем и США.

Актуальность исследуемой проблемы состоит в том, что сегодня мы находимся в самой начальной фазе формирования отношений «нового типа» в «треугольнике» Россия – Китай – США. И от того, какой вектор будет задан их развитию, в решающей степени будет зависеть глобальная и региональная безопасность.

Отношения России, Китая и США имеют глобальное измерение, и в этом смысле тема исследования носит всеобъемлющий и долгосрочный характер. Однако в данной работе авторы фокусируют внимание именно на Восточной Азии – регионе, где наиболее выпукло представлены пересекающиеся интересы Китая и США, и который приобретает все возрастающее значение для России.

Россия, Китай и США – это влиятельные силы, выступающие одновременно по всем трем основным направлениям глобальных отношений: безопасности, экономики, энергетики. Россия – энергетическая держава, стремящаяся к восстановлению своего мирового политического влияния, но в отличие от бывшего СССР – уже не на коммунистической, а на рыночно - демократической основе. Китай – стремительно набирающая мировой политический вес экономическая держава, которая с нарастающей активностью распространяет свое влияние на мир. США – самая мощная мировая держава, оказавшаяся перед необходимостью переосмысления своей глобальной роли. При этом авторы исходят из того, что роль формата «Россия – Китай – США» в перспективе будет возрастать.

Во время «холодной войны» исследования отношений в «треугольнике» Россия – Китай – США велись под углом того, как «третья» сторона могла

использовать к своей односторонней выгоде противоречия в отношениях между двумя другими сторонами «треугольника». После «холодной войны» интерес к теме стал подогреваться только в самое последнее время. В Китае в середине первого десятилетия нынешнего века получила распространение методология анализа международных отношений через призму «геополитических треугольников»: Китай–Россия–США, Китай–Япония–США, Китай–Индия–Россия и т.д. Цель таких изысканий, по всей видимости, состоит в том, чтобы проанализировать и выявить те случаи, когда одна из двух значимых конкурирующих стран пытается использовать «китайскую карту» для того, чтобы усилить свои позиции против страны-конкурента в той или иной геополитической или геоэкономической паре.

В аналитических кругах, связанных с внешнеполитическими и военными ведомствами США, исследование отношений в «треугольнике» Россия – Китай – США также предполагается активизировать. Цель таких исследований, по всей видимости, будет состоять в том, чтобы выявить роль американо-китайского фактора в формировании мирового будущего – при меньшем внимании к российской стороне «треугольника».

Это обстоятельство еще раз подчеркивает актуальность того, что работа по данной теме в России должна начаться именно сейчас – с тем, чтобы (с упреждением) способствовать выработке российского подхода к пониманию места формата Россия – Китай – США в глобальных процессах.

В докладе авторы сосредоточились на анализе текущих процессов в двух наиболее значимых (на данный момент) парах треугольника: Россия – Китай и США – Китай.

I. Россия – Китай: приоритетные направления российской политики

1. Актуальность «дозагрузки» отношений России с Китаем связана с *новым качеством* той роли и того места, которые приобретает Китай в мировой экономике и мировой политике.

Суть новизны – *на основе высокого экономического динамизма* – Китай активно вступает в группу традиционных мировых лидеров – США, ЕС, Япония, Россия – и стремится играть значимую, а в перспективе – ключевую роль в решении мировых проблем и создании новой «архитектуры» глобальной безопасности и соразвития. Китай более не будет выступать в качестве «карты» в стратегических «играх» мировых лидеров, в том числе, в российско-американских отношениях.

Нынешний мировой экономический кризис дает Китаю новые шансы и рельефно высвечивает новые возможности и амбиции Пекина. Отталкиваясь от лучших в мире глобально значимых экономических показателей, Китай «фонтанирует» многоплановыми финансовыми инициативами (см. врезку).

В отношениях с ведущими мировыми экономиками Китай повышает качество взаимодействия, иницируя такую форму сотрудничества как *стратегический диалог*.

В мае 2009 г. Пекин инициировал новый формат стратегического экономического диалога с США, ставящей целью усилить роль китайско-американского сотрудничества в создании новой глобальной финансовой архитектуры, в которой Китай имел бы возможность активнее влиять на мировые дела и шире внедрять в международные расчеты китайский юань.

Месяцем позже, в июне, прошел второй раунд стратегического экономического диалога между Китаем и Японией. Его главные цели: усилить взаимодействие Китая и Японии в обстановке мирового финансового кризиса; сотрудничать в деле реализации договоренностей, достигаемых на финансовых саммитах «Большой двадцатки» (в Вашингтоне, Лондоне,

Только с декабря 2008 г. по июнь 2009 г. Китай выделил на различные финансовые инициативы более 250 млрд. долл.

В том числе:

На корпоративном уровне:

А) Выделение кредитов. В начале 2009 г. предоставлены кредиты двум крупным российским (25 млрд. долл.) и одной бразильской (10 млрд. долл.) нефтяным компаниям на цели развития сотрудничества с Китаем в нефтяной сфере. В июне еще 1 млрд. долл. выделен на развитие цементной промышленности России.

Б) Второе направление – скупка больших ликвидных активов в нефтегазовой, автомобильной, информационно-технологической и др. отраслях. По оценке авторов, на эти цели Китай за время кризиса потратил не менее 50 млрд. долл. Достаточно вспомнить покупку автомобильного бренда «Хаммер» или канадской нефтяной компании «Аддекс петролиум».

По линии двусторонних межгосударственных отношений Китай заключил с рядом стран Азии, Америки и Восточной Европы «СВОП соглашения»:

- в январе 2009 г. с Гонконгом (юаневый эквивалент 29 млрд. долл.) на условиях того, что предоставленные средства в юанях могут быть использованы для импорта китайской продукции;

- в феврале с Малайзией (11,1 млрд. долл.);

- в марте 2009 г. с Аргентиной (10 млрд. долл.), Индонезией (14,7 млрд. долл.) и Беларусью (2,9 млрд. долл.) – на аналогичных условиях.

Все указанные соглашения подписаны сроком на три года.

Кроме этого, в декабре 2008 г. Китай расширил действовавшее ранее (с 2000 г.) СВОП-соглашение с Южной Кореей на 26,3 млрд. долл.

В апреле 2009 г. Пекин предоставил кредит Казахстану на 10 млрд. долл. для поддержания финансовой стабильности и развития двустороннего энергетического сотрудничества. В мае – Туркменистану на 3 млрд. долл. на развитие газового сотрудничества с Китаем. В июне – 1,8 млрд. долл. Филиппинам на развитие национальной инфраструктуры.

Параллельно Китай продолжал скупать государственные казначейские обязательства США, сосредоточив в своих руках на середину 2009 г. ценных бумаг данного вида на сумму около 780 млрд. долл. и став крупнейшим кредитором Соединенных Штатов.

На региональном уровне – в апреле 2009 г. Китай взял на себя обязательства внести 38,4 млрд. долл. в создание восточноазиатского Финансового пула, целью которого будет компенсация дефицита средств в твердой валюте в условиях кризиса в той или иной стране-члене Пула. Общий ресурс пула достиг 120 млрд. долл. (для сравнения – средства МВФ в 2009 г. составляли 250 млрд. долл.): Япония внесла также 38,4 млрд. долл.

Южная Корея – 19,2 млрд. долл. и страны АСЕАН – 24 млрд. долл.

На глобальном уровне Китай предполагает увеличить свою квоту в МВФ с нынешних 3,72% до 6,2-6,3% к январю 2011 г. (выделяя на эти цели 50 млрд. долл.) с тем, чтобы превзойти квоту Японии (6,13%) и, тем самым, иметь более весомый вес в МВФ (для сравнения – нынешняя квота России равна 2,7%, США – 17%, ЕС – 32%).

Питтсбурге и последующих саммитах); принимать более эффективные меры по защите стабильности финансового рынка в интересах восстановления роста экономик своих стран и мировой экономики в целом; обратить особое внимание на сотрудничество в областях энергосбережения и охраны

окружающей среды; усилить экономическое и финансовое сотрудничество на региональном уровне.

Стартует также трехсторонний диалог Китай – США – Япония, который создает новый, уже многосторонний, в дополнение к двусторонним, канал влияния Китая на мировое финансовое и экономическое развитие. Его цели, по-видимому, будут состоять в следующем: обсуждение развития экономического кризиса на глобальном уровне; всестороннее обсуждение ситуации в Азии; развитие глобального сотрудничества по вопросам изменения климата и энергетики; снятие озабоченности Токио расширением китайско-американского взаимодействия и Пекина – развитием традиционного японо-американского военно-политического сотрудничества.

Главная стратегическая проблема, которую Китай должен решить «на пути в мировые лидеры», это преодоление дисбаланса между экономическим и политическим «международным имиджем» Китая. Экономически Запад воспринимает Китай как «своего», рыночного партнера и одновременно конкурента, но конкурента, играющего, в основном, по рыночным правилам. Политически же Китай – «чужой», не демократический, находящейся под монополией власти Компартии. Дисбаланс объективно ограничивает рамки сотрудничества Китая с Западом.

Китай стремится решить эту проблему по ряду направлений: (а) углубляя экономическую, финансовую и технологическую взаимозависимость с США, ЕС, Японией; (б) продолжая развивать рыночные реформы и начиная реформы политические; (в) придавая новый, кооперативистский, характер отношениям с США.

2. Новое качество места Китая в мире создает новые вызовы, но и новые возможности для мира и России.

Китай становится стратегическим конкурентом России в традиционном квартете мировых лидеров (США, ЕС, Япония, Россия). Для России все явственнее вырисовывается угроза:

- экономически – будучи, главным образом, экспортером энергоресурсов есть опасность оказаться по «другую сторону баррикад» от ведущих мировых импортеров энергоносителей, включая Китай;

- политически – оказаться «дальше» от Запада, чем Китай, идущий, пусть и медленно, по пути демократических реформ (развитие внутрипартийной демократии, расширение правового поля и власти закона, а не партии, воспитание ответственного за свой выбор избирателя и т.д.).

В условиях мирового экономического кризиса еще явственнее обозначается тенденция превращения Китая в конкурента России за доступ к перспективным энергоресурсам в развивающихся странах и ликвидным активам в развитых экономиках.

В региональном контексте наиболее острым становится конкуренция с Китаем на пространстве Центральной Азии (ЦА). Стремясь получить доступ к энергоресурсам региона, Пекин все чаще использует Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) для «мягкого политического обволакивания» отдельных стран ЦА. В энергетике – Китай рассчитывает на выгоды от конкуренции России и Казахстана на центрально-азиатском нефтяном рынке и России и Туркменистана – на газовом. Пекин использует консервативную экономическую структуру стран ЦА для продвижения своей помощи, прежде всего, в сырьевые, менее готовые к модернизации, секторы их экономик. Тем самым Китай обеспечивает на будущее свою роль регионального источника новых технологий и инноваций.

В двусторонних отношениях с Россией Пекин все более жестко и агрессивно защищает свои национальные интересы на российском направлении, интересы своих граждан и своих компаний, работающих на российском рынке.

В то же время, возрастающий политический и финансовый вес Китая в мире открывает новые возможности для использования Россией в своих интересах «нового международного качества» азиатского гиганта – через механизмы двусторонних стратегических отношений: будь то вопросы безопасности, выносимые на площадку ООН или на поле других международных форматов, в которых участвуют Россия и Китай; или – вопросы нового финансового миропорядка.

Растущие финансовые возможности Китая дают России новые шансы на привлечение китайского капитала к решению ее острейших социально-экономических проблем, например, создания нефтегазо-транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке.

Важным обстоятельством китайского вхождения в «клуб мировых лидеров» является отсутствие – пока – у Пекина собственной концепции глобального переустройства. Идея «гармоничного мира» больше направлена на то, чтобы убедить мировое сообщество в негегемонистском характере «возвышения» Китая, чем представляет конкретную программу миростроительства.

3. Исходя из сказанного, для России представляется стратегически рациональным качественно *улучшить взаимодействие с Китаем:*

(а) с тем, чтобы избежать обострения российско-китайских отношений по причинам, вызванным превращением Китая в нового мирового лидера;

(б) не упустить новые шансы, обусловленные активной международной финансовой и экономической политикой Пекина и иным, чем раньше, характером китайско-американского, китайско-японского и, хотя пока и в меньшей степени, китайско-европейского партнерства.

В этом контексте «стратегическое партнерство» России и Китая рационально понимать и в том смысле, что обе страны готовы совместно решать глобальные и долгосрочные проблемы. И в том смысле, что Москва и

Пекин готовы выявлять, открыто обсуждать и преодолевать те противоречия и проблемы, которые вытекают из обостряющейся конкуренции двух стран вследствие приобретения Китаем своего нового международного качества.

4. Имея в виду возрастающую актуальность задач формирования новой мировой архитектуры безопасности и соразвития, для России важно инициировать с Китаем *диалог по ценностям и концептуальным представлениям будущего миропорядка.*

У современной России, как и у Китая, нет опыта ведения такого рода диалогов. В бытность СССР роль подобного инструмента общения играли, например, совещания коммунистических и рабочих партий: как показала история, это был ограниченный, в перспективе тупиковый, но, тем не менее, Диалог. Решение многих важнейших и острейших политических проблем заходит в тупик именно по причине отсутствия взаимного понимания в вопросах, что «хорошо» и что «плохо» в мировом развитии – явный минус внешней политики.

Без концептуального согласования таких понятий, как евро-атлантические и общечеловеческие ценности, «ценностная» специфика китайских идеологических построений и их перспективы и т.п. – нельзя обеспечить реального и эффективного сотрудничества по стратегическим вопросам миротворчества.

Проблемы создания правового государства, развития демократических преобразований в целях укрепления внутренней политической стабильности, вопросы глобальной взаимозависимости и взаимоответственности – могли бы стать темами такого диалога. Механизмы его проведения предполагали бы объединение усилий официальных структур и потенциала «второй дорожки».

В условиях нынешнего глобального кризиса необходим отдельный российско-китайский диалог по новому мировому финансовому миропорядку.

Содержательную часть важно повернуть к поиску наиболее эффективных совместных шагов России и Китая, которые бы усиливали участие и роль обоих государств в работе глобальных и региональных финансовых институтов и были бы направлены на взаимодействие с мировыми финансовыми центрами – США, Японией, ЕС, а не на противопоставление им.

В этом контексте представляется контрпродуктивным раскручивание тематики БРИК. Это искусственное образование, по концептуальной сути своей, «затаскивает» Россию в число развивающихся стран, отдаляя ее от «Большой восьмерки», в то время как Китай вычерчивает вектор финансовой интеграции с мировыми лидерами. Россия рискует оказаться на обочине новых финансовых построений.

В то же время у российского и китайского бизнеса есть возможность направлять свои рублевые и юаневые ресурсы в те сферы российской экономики, куда плохо идут долларовые инвестиции – прежде всего, в транспорт и инновационную экономику.

Учитывая новое качество китайско-американского взаимодействия, необходим российско-китайский диалог по роли и месту США в мире в целом и в отдельных важнейших для России регионах (АТР, ЦА, Ближний Восток и т.д.). Такой диалог может расширяться до формата *«треугольника»: Россия – Китай – США.*

Цель та же – не оказаться на обочине мировых процессов, изменяющихся в связи с приобретением Китаем нового мирового политического качества.

Новое явление в мировой политике, сравнимое с трансатлантической безопасностью и вырастающее из нового характера китайско-американских отношений – российско-китайский диалог по проблемам *транстихоокеанской безопасности.*

Значение транстихоокеанских отношений для России видится в следующем.

Стратегически: Россия является естественной геоэкономической и геополитической частью азиатско-тихоокеанского пространства. Перспектива объединения трансатлантической и транстихоокеанской «дуг безопасности» на основе концепции «Чимерика (China-America)», отражающей возрастающую взаимозависимость экономик США и Китая, представляет вызов России – поскольку строится без учета российских стратегических интересов. Мировой финансовый кризис дает дополнительный импульс американо-китайскому стратегическому диалогу, в т.ч. по финансовой тематике на транстихоокеанском пространстве.

Политически: В АТР сохраняются рудименты второй мировой и «холодной» войн, прямо или косвенно затрагивающие интересы РФ и США:

- военные союзы США с Японией и Южной Кореей; блок АНЗЮС в усеченном виде, сведенный к американо-австралийскому союзу;
- разделенность Корейского полуострова при сохранении на Севере тоталитарного режима «сталинского типа»;
- непреодоленность «исторической обиды» в странах, подвергшихся японской колониальной оккупации;
- незакрытость территориальных споров;
- проблема китайско-тайваньских отношений.

Экономически: в 2007 г. приняты программы экономического развития Дальнего Востока и Восточной Сибири, территорий с большими потребностями в капиталоемких проектах. По демографическим причинам, с учетом относительно малого покупательского спроса, объективно, с точки зрения макроэкономической эффективности, выполнение этих программ требует интеграционного взаимодействия с источниками спроса в географических соседях России – США, Китаем, Японией, Южной Кореей, а также Канадой.

Тактически: Саммит АТЭС, намеченный к проведению в 2012 г. во Владивостоке, предоставляет шанс заявить о новом видении Россией своего долгосрочного присутствия в АТР, но прежде всего в Восточной Азии, и

предложить повестку дня трансрегионального сотрудничества в экономике и вопросах безопасности с непосредственным учетом российских интересов.

5. Российско-китайские диалоги по ряду международных проблем.

Необходимо откровенно проинвентаризировать российско-китайские противоречия в ЦА и вести дело к разработке совместных шагов в этом регионе до представления их на рассмотрение ШОС. Цель – избежать возникновения и эскалации реального, а не просто как сейчас, пока еще ожидаемого роста конфликтности интересов России и Китая в ЦА.

Москва при этом должна быть готова к постановке Пекином многих жестких вопросов, например, о создании китайских антитеррористических или военных баз на территории стран ЦА, о правовых основах «горячего преследования» террористов и т.п.

Диалог по Северной Корее важен в период пробуксовки шестистороннего процесса. Одна из целей – сохранение кооперативистского потенциала шестисторонних переговоров и продолжение работы «пятой группы» по безопасности в Северо-Восточной Азии и без участия Северной Кореи. Одна из важнейших тем – как избежать коллапса Северной Кореи после ухода из жизни ее нынешнего лидера – Ким Чен Ира. Другая тема – оценка реального ракетно-ядерного и конвенционального военного потенциала Пхеньяна, вероятности войны на Корейском полуострове и разработка российско-китайского плана предотвращения негативных сценариев развития КНДР или совместного реагирования на них.

Энергетический диалог – направленный на:

(а) дальнейшее привлечение китайских инвестиционных возможностей к реализации принятых Россией программ развития Восточной Сибири и Дальнего Востока,

(б) и формирование восточноазиатского рынка углеводородов на основе российских ресурсов.

Диалог по АТЭС-2012: России важно иметь Китай своим партнером и консультантом в разработке и продвижении российской повестки дня будущего Саммита.

6. Двусторонние отношения:

Необходимо повышение эффективности постоянной, рутинной работы тех механизмов двусторонних отношений, которые уже созданы во многих отраслях: высокие технологии, включая космос; экономика и торговля; миграция; экология и медицина; образование; приграничное и таможенное сотрудничество и т.д.

Сотрудничество в военной сфере и сфере безопасности целесообразно повернуть в трех направлениях.

Первое – перестать рассматривать Китай как потенциального военного противника и пойти на более высокий технологический уровень сотрудничества с ним. Это позволит России сохранить часть китайского рынка вооружений и военных технологий после того как вследствие процессов сближения Китая и Запада в отношении Китая будут сниматься существующие санкции, и туда пойдет европейский и американский экспорт продукции военного назначения.

Второе – повернуть двустороннее силовое взаимодействие на решение конкретных проблем безопасности в ЦА (трансграничная борьба с терроризмом и сепаратизмом), на Корейском полуострове (в случае необходимости подавление и взятие под контроль наиболее опасных военных объектов Северной Кореи), на пространствах действия пиратов и т.п.

Третье – вовлекать Китай в диалог по ядерной безопасности. По мере реализации его ракетно-космических и ядерных программ, в перспективе может

оказаться так, что одного прогресса в российско-американском взаимодействии в ракетно-ядерной и космической областях может оказаться недостаточно для обеспечения глобальной ядерной безопасности. И участие Китая в этом окажется необходимым.

Связь двустороннего сотрудничества и новой архитектуры безопасности в АТР.

Двустороннее взаимодействие с Китаем по проблемам (а) традиционной и (б) нетрадиционной безопасности, (в) энергетическому, (г) высокотехнологическому и космическому сотрудничеству и т.п. важно развивать, имея в виду перспективу вывода его (взаимодействия) на многосторонний уровень.

Уже существующей переговорной площадкой для этого служит «пятая группа» шестистороннего процесса по Северной Корее, возглавляемая Россией. Причем присутствие здесь Северной Кореи не является условием для продолжения работы этой группы.

Выгода от многосторонней перспективы двустороннего российско-китайского сотрудничества состоит не только в возможности объединить финансовые усилия пяти стран для решения той или иной проблемы, но и в том, что сам по себе факт такого многостороннего сотрудничества является основой региональной безопасности и вкладом в создание новой архитектуры безопасности в АТР.

В качестве внутренней основы дозагрузки наших отношений необходим глубокий, с использованием широкого круга экспертов, политиков, бизнесменов, анализ того, насколько обоснованы существующие в России негативные взгляды на «стратегическое партнерство» с Китаем. И на базе этого – корректировка подходов к тем или иным аспектам двусторонних отношений.

Анализ показывает, что в России настроения в пользу сотрудничества с Китаем, на сегодня, перевешивают негативное отношение к стратегическому партнерству с КНР.

Вместе с тем, отрицательное отношение к дальнейшему углублению взаимодействия с Китаем в рамках так называемого «стратегического партнерства» существует и даже нарастает. В основе этого негатива лежат как традиционные, так и новые факторы.

Традиционные факторы связаны с антикитайскими чувствами, сохраняющимися в глубине души многих россиян среднего и старшего возраста, попавших под воздействие антикитайского воспитания «советских людей» в 60–80-ые годы прошлого века.

Новые факторы связаны с быстрыми изменениями внутри Китая, с его местом в мире, в российско-китайском сотрудничестве:

- быстро развивается российско-китайское экономическое сотрудничество и, как следствие, растет доля китайских товаров в потреблении россиян (по отдельным позициям до 30-50% рынка), увеличивается объем китайских инвестиций в Россию, число китайских трудовых мигрантов (более 20% от всех официально зарегистрированных), количественно конфликтов и преступлений, связанных с китайцами;

- роль Китая в мировой и региональной политике и экономике активизируется настолько быстро, что российские политики не всегда успевают к этому адаптироваться;

- Китай все яростнее стремится играть активную и важную роль – но пока не понятную для российской политической элиты – в создании новой глобальной архитектуры безопасности и сотрудничества.

На основе традиционных и новых факторов укрепляются прежние и появляются новые негативные мнения относительно стратегического

партнерства России и Китая. Их можно структурировать в следующем варианте.

Философские основы:

- сохраняется историческое недоверие к Китаю. В России распространено мнение, что китайцы «очень хитрые» и Китай «все равно, рано или поздно обманет Россию». Такие настроения получают подпитку из нередких, на поверхности «мудрых», высказываний китайских политиков (чаще – пожилого возраста), типа того, что «Китай открыл окно, и в окно залетели мухи, но Китай в любой момент может закрыть окно и перебить мух». Применительно к России такие высказывания воспринимаются как риск того, что Китай в любой момент может пересмотреть свой открытый подход к России;

- Россия воспринимается российской элитой как «часть европейской цивилизации», тогда как Китай – часть «азиатской (в трактовке россиян – «варварской») цивилизации. Отсюда делается вывод, что России надо стратегически ориентироваться на Европу, а не на Китай;

- в России устоялось суждение, что она – демократическая (пусть и со своими особенностями) страна, отказавшаяся от коммунизма, тогда как Китай – «коммунистическая» страна. Отсюда делается вывод, что Китай – не пример для России, и что ей «надо опасаться китайского коммунизма».

Внешняя политика:

- в России нарастают опасения, что Китай – по мере усиления своих международных позиций – будет:

(а) во все большей степени действовать исключительно в своих интересах, игнорируя интересы России или противодействуя России и

(б) все чаще блокироваться с Западом. Вероятность того, что по мере сближения Китая и Запада, Россия может оказаться в маргинальном положении на мировой арене, рассматривается как стратегическая угроза России.

На региональном уровне:

(а) активность Китая в Центральной Азии рассматривается как «выдавливание» России из этого региона;

(б) сближение Китая и Японии – как угроза интересам России в Восточной Азии;

(в) в рамках шестистороннего процесса по Северной Корее – Китай не проявляет конструктивного взаимодействия с Россией по «пятой группе» (безопасность в СВА), в которой Россия председательствует.

Экономика: Китай не может быть «стратегическим партнером», поскольку действует в своих интересах и создает новые проблемы в российской экономике:

- экономика Китая в стратегическом плане поглощает российские ресурсы, превращая Россию в «сырьевой придаток» и нанося невосполнимый урон природным богатствам России;

- Китай «эгоистически ведет себя» в вопросах структуры импорта из России – не желая закупать больше обработанной российской продукции и, тем самым, усиливая сырьевой характер российского экспорта;

- с 2007 г. Китай создает новые стратегические проблемы России, увеличивая свой экспорт более быстрыми темпами, чем импорт из России. В результате, впервые Россия получила дефицит в торговле с Китаем. В стратегической перспективе – эта тенденция только усилится;

- рост экспорта китайских товаров в Россию приводит к:

(а) «заполнению российского рынка некачественными, опасными для здоровья китайскими товарами»;

(б) разорению российского мелкого и среднего бизнеса;

- рост китайских мигрантов отнимает рабочие места у россиян. Около 60% россиян, по опросам ВЦИОМ, считают, что развитие сотрудничества с Китаем ведет к росту безработицы;

- рост китайских инвестиций в Россию создает угрозу «скупки» российских предприятий и территорий китайцами – что стратегически работает против интересов российского капитала.

Энергетика: здесь существует мнение, что, как и в экономике, Китай действует исключительно из собственных «эгоистических интересов», поэтому не может считаться «стратегическим партнером»:

- Китай вступает в прямую конкуренцию российскому энергетическому бизнесу в Центральной Азии, в первую очередь в Туркмении и Казахстане, создавая серьезные стратегические угрозы энергетическим доходам России;

- в долгосрочной перспективе конкуренция России и Китая за нефтегазовые ресурсы в Африке, на Ближнем Востоке, в Азии, Латинской Америке – только обострится;

- Китай препятствует налаживанию стратегического газового партнерства в Восточной Сибири, на переговорах с «Газпромом» жестко настаивая на своих ценах на природный газ.

Экология:

- Китай создает все нарастающие экологические угрозы р. Амур и не проявляет необходимой готовности к их решению – это подрывает стратегические основы сотрудничества;

- расширение сотрудничества с Китаем на Дальнем Востоке ведет к уничтожению российских заповедных лесов.

Социальная сфера: Китай является источником многих угроз России, поэтому стратегическое партнерство с Китаем рискованно:

- не исчезла угроза захвата Китаем российских дальневосточных территорий;

- нашествие китайцев – в условиях дефицита жилья – ухудшает жилищные условия россиян;

- усиливается криминализация общества: по последним опросам, 50% россиян считают, что сотрудничество с Китаем ведет к росту преступности.

Военная сфера: развитие стратегического партнерства с Китаем, по существующему мнению, опасно для России:

- Китай использует стратегическое сотрудничество с Россией для получения доступа к новейшим военным технологиям – что:

(а) создает в перспективе военную угрозу российскому Дальнему Востоку, и

(б) может превратить Китай в конкурента России на международном рынке вооружений;

- в условиях потепления отношений с Тайванем Китай проводит военные учения в географических районах, по ландшафту близких к российским дальневосточным – что придает таким учениям потенциальную антироссийскую направленность.

Стратегическая сфера: здесь существуют негативные мнения следующего содержания:

- глобальная активизация Китая по времени совпадает с восстановлением Россией своих международных позиций. Гипотетически – это означает, что в стратегической перспективе будет появляться все больше сфер, где интересы России и Китая скорее конкурируют друг с другом, чем совпадают;

- остается не ясным содержание «стратегического партнерства» России и Китая. Не ясной является и провозглашенная Пекином концепция «создания гармоничного мира»:

Что «гармоничный мир» в китайской интерпретации значит на практике?

Не приведет ли это к ущемлению глобальных позиций России?

Как российско-китайские отношения вписываются в китайскую версию «гармоничного мира»?

Эти вопросы пока не ясны для России – что создает риски стратегического недопонимания или даже противодействия друг другу России и Китая.

Стратегически – позиции России и Китая по созданию новой мировой архитектуры безопасности и сотрудничества расходятся:

- Россия – экспортер энергоресурсов и заинтересована в поддержании высоких цен на них;

- Китай – импортер энергоносителей и заинтересован в уменьшении своей зависимости от импорта нефти и газа.

Отсюда – стратегически, глобальные позиции Китая будут ближе к Японии, ЕС, отчасти США (поскольку крупный энергетический бизнес Соединенных Штатов также имеет интерес в поддержании высоких цен на нефть), и дальше от позиций России.

7. Заключение.

Рассматривая *фактор Китая во внешней стратегии России*, важно отметить, что *стратегическая проблема* для России состоит в нахождении эффективного варианта адаптации к глобализирующемуся и стремительно развивающемуся Китаю.

Стратегический риск связан с тем, что Россия – на фоне интеграции Китая в мировые структуры и продолжающихся внутрикитайских рыночных и политических реформ – может оказаться на более «далеком расстоянии» от США и Запада, чем Китай. Это уменьшит конкурентные преимущества России и ослабит ее международные политические позиции.

Стратегические перспективы развития Китая и России состоят в том, что Китай будет наращивать экономический отрыв от России. Для этого, помимо прочего, существуют и естественные демографические предпосылки.

Структурные риски в том, что Россия, как экспортер энергоресурсов, оказывается по «другую сторону баррикад» от Китая и других крупнейших импортеров нефти и газа – США, Японии, Южной Кореи. Это – новая разделительная линия, ставящая Россию в стратегически невыгодное положение.

Главная проблема для России не в том, чтобы не отстать или отстать, но не так сильно, от Китая. Проблема – в том, чтобы не оказаться в маргинальном положении в мире на фоне интегрирующегося в мировое экономическое пространство Китая.

В свете существующих вызовов и рисков в двусторонних отношениях России необходимо *скорректировать политику к Китаю*.

В области *мировой политики и безопасности*:

Необходим новый, глобальный взгляд на Китай – с тем, чтобы адаптировать наше стратегическое партнерство к глобализирующемуся азиатскому гиганту. И тем самым ответить на возможности и вызовы, исходящие из его новой мировой роли.

Необходимо выстраивать новый формат стратегического диалога «Россия–Китай–США» по глобальным проблемам нераспространения ОМУ, борьбы с терроризмом, новыми и атипичными угрозами, и региональным проблемам – с тем, чтобы избежать рисков связанных с развитием американо-китайских отношений в невыгодном для России направлении.

В *экономике и энергетике* обходимо *новое видение* России и Китая как составных частей интегрирующейся «пространственной экономики» Восточной Азии. Без этого России трудно будет использовать интеграционные возможности региона и его китайской составляющей.

Связывая российско-китайские отношения и комплексный характер политики России к Китаю с будущим России, необходимо разработать «Большую Азиатскую стратегию России», в которую – наряду с другими проблемами взаимодействия России с Восточной Азией и развития Восточной

Сибири и Дальнего Востока – было бы вписано и российско-китайское партнерство по всем его направлениям и по всей его значимости.

II. США –Китай: что происходит при администрации Б. Обамы

1. Переформатирование региональной политики США в Восточной Азии.

Политика Соединенных Штатов применительно к Восточной Азии при администрации Обамы уже начала и, скорее всего, будет и в дальнейшем подвергаться серьезной переоценке. При этом американо–китайские отношения все больше и больше выдвигаются на первый план, несмотря на заявления о неизменной важности американо-японских отношений в качестве краеугольного камня американской политики безопасности в регионе.

В восточноазиатской политике Вашингтона при Дж. Буше применительно к России сохранялось повышенное внимание к состоянию российско-китайских отношений, хотя собственно американо-китайские отношения стали преобладающими над всеми остальными, и их значение росло с каждым годом.

Конечно, при новой администрации проходит переоценка (но не обязательно – пересмотр) политики в отношении других регионов, например, на трансатлантическом направлении. В этом плане обращает на себя внимание высказывание советника президента по национальной безопасности ген. Дж. Джонса: «Современный мир может быть гораздо лучше понят, если его рассматривать в региональном, а не страновом аспекте». Вопрос – относится ли это к американо-китайским отношениям?

Как переоценить – для новой администрации ту тихоокеанскую политику, что проводилась при Дж. Буше-мл.?

По мнению некоторых экспертов из региона, Восточная Азия не так уж сильно ждала приход к власти Обамы, поскольку на японском направлении были хорошие отношения на высшем уровне по линии Буш-Коидзуми, на австралийском – Буш-Говард, параллельно улучшались отношения Вашингтона с Китаем и Индией.

Но с другой стороны:

Ряд американских экспертов считает, что Кондолиза Райс «провалила» восточноазиатское направление на посту госсекретаря, не уделяя этому сегменту внешней политики США необходимого внимания. Например, она дважды пропустила важнейшее региональное мероприятие в Восточной Азии – ежегодное заседание АРФ (Асеановского регионального форума) с участием глав внешнеполитических ведомств государств-участников диалога с АСЕАН (Китай, Япония, США, Россия и т.п.). По мнению тех же экспертов, в последние два года администрации Буша это частично компенсировалось деятельностью пришедшего на пост министра обороны Р. Гейтса, который проявлял достаточную дипломатическую активность в регионе. Сюда же следует добавить министра финансов Г. Полсона, возглавившего стратегический диалог с Китаем по экономическим вопросам.

Экономическая составляющая возможной стратегии США, так или иначе, будет включать следующие моменты:

- реагирование на продвижение различных интеграционных региональных схем;
- необходимость выработки новой глобальной финансовой архитектуры, хотя это вопрос неблизкий к реализации;
- растут опасения по поводу возрождения во время финансово-экономического кризиса национального эгоизма в форме протекционизма (хотя он никогда и никуда совсем не исчезал).

В нашем случае речь идет о возможности различных форм регионального протекционизма и его влиянии на региональную экономическую архитектуру и политические взаимоотношения государств региона. В США для администраций демократов (имея в виду, прежде всего, настроения в конгрессе, тем более, что он контролируется Демократической партией) характерны бóльшие протекционистские настроения. Но если они будут усиливаться в других странах региона, то Соединенным Штатам придется с ними бороться

даже при демократах, учитывая долгосрочные американские экономические интересы в Восточной Азии и шире – в АТР.

При Дж. Буше-мл. на форумах АТЭС, основой которого являются восточноазиатские страны, под давлением Вашингтона возник как бы перекося в сторону политических вопросов в повестке дня, что связано, главным образом с событиями 11 сентября 2001 г. и их последствиями.

Вместе с тем, появление в конце 2005 г. Восточноазиатского сообщества (ВАС) без включения в него (в отличие от АТЭС) Соединенных Штатов и провал идеи Зоны свободной торговли Америк (ФТАА), охватывающей весь американский континент, видимо, были среди основных причин, которые подтолкнули США к выдвижению идеи зоны свободной торговли в рамках АТЭС.

Возобновление интереса к региону должна была продемонстрировать «первая первая» поездка госсекретаря Х. Клинтон в Восточную Азию. Дело в том, что впервые с 1961 г., со времен также представителя демократической администрации госсекретаря Дина Раска, глава вашингтонского внешнеполитического ведомства совершил свой первый зарубежный визит именно в Восточную Азию, на этот раз – в Японию, Индонезию, Южную Корею и Китай.

В значительной степени это был все же символический жест, призванный сбалансировать поездки вице-президента Дж. Байдена и Р. Гейтса в феврале, а затем самой Клинтон и, наконец, Обамы, соответственно, в марте и апреле, в Европу.

По существу Х. Клинтон мало что могла привезти с собой в Восточную Азию, за исключением нового акцента на вопросе об изменении климата и важности сотрудничества в этой области США и Китая. Кроме того, тогда же наметилось расширение двустороннего стратегического диалога за пределы чисто экономических вопросов. Это практически было осуществлено позднее – в июле 2009 г. китайско-американский диалог вырос до уровня

«стратегического и экономического», затрагивающего самый широкий круг вопросов.

Конечно, в отношениях Соединенных Штатов с Китаем и Японией есть и будет существовать проблема сбалансированности взаимодействия Вашингтона с этими ведущими государствами Восточной Азии.

С одной стороны, при прежней администрации существовали «замечательные» отношения между премьер-министром Японии (2001 – 2006 гг.) Дз. Коидзуми и Дж. Бушем. Последний отказался от проводившегося при Б. Клинтоне курса нападок на Японию за «ошибки в экономической политике». Постоянно подчеркивалось, что Япония – главный союзник Вашингтона в Восточной Азии, что американо-японские отношения – краеугольный камень американской политики безопасности на Тихом океане. Это также подтвердила Х. Клинтон в Токио в своей первой поездке в Восточную Азию в качестве госсекретаря – и в своих заявлениях, и самим фактом первой остановки именно в Токио.

С другой стороны, в политике Соединенных Штатов продолжался рост значения Китая. Вопросам, связанным с Китаем, уделялось все больше внимания, а интересы Японии администрацией Буша временами просто игнорировались, в частности, по ситуации на Корейском полуострове. Вот и Клинтон – начала поездку в Токио, но закончила, как бы подвела ее итоги – в Пекине.

Конечно, еще предстоит провести глубокий и всесторонний анализ наметившихся изменений в целях и приоритетах внешнеполитической деятельности новой американской администрации в Восточной Азии. И здесь на первый план выдвигается оценка курса Соединенных Штатов в отношении Китайской Народной Республики.

2. Расширение американско-китайского взаимодействия.

Президент США Б. Обама победил на выборах в том числе на волне острейшей критики различных аспектов внешней политики предыдущей администрации Дж. Буша. Одним из направлений этой критики стали действия правительства Дж. Буша в Восточной Азии, где ему не только не удалось добиться решения таких «вечных проблем», как северокорейская, но и обеспечить сколько-нибудь заметного укрепления американских позиций и влияния в регионе.

Американской политике глобализации подходов к решению актуальных политических, военных и экономических проблем стран региона не без успеха противостояла явно усиливавшаяся политика регионализма, в проведении которой особенно преуспела такая важная страна региона, как Китай. Избегая острой конфронтации с США и продолжая расширять объемы торгово-экономических и финансовых связей с ними, Пекин не мог, тем не менее, не испытывать недоверия к стратегическим целям политики администрации Дж. Буша в тихоокеанском регионе и конкретным шагам по их достижению.

Речь шла, в частности, о программе передислокации Вооруженных Сил США на Тихоокеанском театре, разработанная еще при министре обороны Д. Рамсфельде – об американских планах размещения в западной части Тихого океана дополнительно нескольких крупных авианосных групп и базирования здесь на постоянной основе до 60% всех ПЛАРБ, имеющих на вооружении ВМФ США; постепенное сокращение сил передового базирования в Японии и Южной Корее, бóльший упор в размещении ВС на Гавайские острова и о. Гуам; принятие долгосрочных решений о новых программах вооружений – новая подводная платформа вместо системы Трайдент (направленность – Китай, Россия?) или авианосцы нового типа с расширенной боевой мощностью, а не только плавучие аэродромы (цель та же?); о создании Соединенными Штатами в регионе системы ПРО ТВД с включением в зону ее действия Тайваня и т.п.

Все это воспринималось в Пекине как прямые или косвенные проявления стратегии окружения и сдерживания Китая.

До какого-то времени Америка, как единственная сверхдержава, могла особенно не беспокоиться по поводу недовольства Китая подобными действиями и планами. Однако серьезные неудачи и растущие проблемы в Ираке, Афганистане и Пакистане, остающийся нерешенным вопрос ракетно-ядерного потенциала Северной Кореи и, наконец, глобальный финансово-экономический кризис привели Вашингтон (при Обаме) к пониманию необходимости смещения акцента с «односторонних» на многосторонние действия при сохранении мирового лидерства Соединенных Штатов. Новая администрация стала задумываться о внесении изменений в свою политику в Восточной Азии, в особенности в отношении с Китаем.

Одна из идей, широко обсуждавшихся в американском экспертном сообществе – сформулированный в январе 2009 г. Зб. Бжезинским призыв к выстраиванию особых отношений всеобъемлющего сотрудничества между США и Китаем в формате «большой двойки» (G-2 – «Чимерика»). По существу аналогичные мысли и предложения высказывались и Генри Киссинджером, имеющему большой опыт участия в поворотных решениях Соединенных Штатов в отношении Китая. Таким образом, такой подход имеет как бы двухпартийный характер, по крайней мере, на уровне высокопоставленных отставных бюрократов и видных экспертов.

Идея G-2 – это не столько малоперспективная словесная оригинальность, сколько сигнал мировому сообществу, в том числе и России, о новом качестве китайско-американских отношений, которые и вытекают из «нового качества» места Китая в мире, и одновременно это качество формируют.

Конечно, сейчас трудно сказать наверняка, будет ли нынешний поворот к укреплению партнерских связей с Китаем таким же далеко идущим как в 70-е годы прошлого века или при принятии решения в 2001 г. о допуске Китая в

ВТО – но, скорее всего, так и будет. При этом отнюдь не предполагается снижение значения в американской внешней политике традиционно тесных, союзнических отношений с Японией, Южной Кореей или Австралией. Однако формирование нового качественного сдвига во внешней политике США в Восточной Азии вполне вероятно, поскольку новая ситуация в регионе требует и совершенствования методов поддержания американского лидерства.

Вашингтон будет продолжать усилия по вовлечению Китая в сеть двусторонних стратегических контактов – экономических, политических, военных – для того, чтобы просто лучше понимать, куда движется Китай, и принимать меры, включая превентивные, по возможному контролю над этим движением.

Т.е. возможно сочетание идеи G-2, американо-китайского кондоминиума, с фактически функционирующим треугольником США-Австралия-Япония для «мониторинга» роста экономической и военно-политической мощи Китая.

Что касается Пекина, то он будет действовать крайне осмотрительно, в том числе по внутривластным и внутриэкономическим причинам, не втягиваясь в «кондоминиум», но и сотрудничая с Вашингтоном там, где требуют национальные интересы КНР и/или поддержание международной стабильности, в том числе в сфере экономики и финансов.

Тайваньский вопрос остается раздражителем и потенциальным детонатором, который может «взорвать» китайско-американское взаимодействие.

Существует проблема поставок вооружений Тайваню, из-за которой периодически возникает напряженность в отношениях США с Китаем. Например, на неопределенный срок время от времени прерываются двусторонние контакты по военной линии, которым американские военные придают очень большое значение. Очередной виток напряжения вокруг

данного вопроса, кстати, может возникнуть в ближайшее время в связи с новыми планами Вашингтона по поставке оружия Тайваню.

Но сейчас в американской политике взаимодействия с КНР на первый план выдвинулись вопросы финансово-экономического характера.

Таких вопросов немало. Например, практически ключевой, от которого стрелками расходятся многие другие, вопрос так называемых дисбалансов, выражающихся в крупном дефиците США в торговле с Китаем и накоплением последним американских казначейских обязательств в достаточно критических масштабах.

Поэтому, в частности, в совместном заявлении во время визита Обамы в КНР в ноябре 2009 г. было заявлено, что обе страны согласились проводить стратегию более сбалансированного экономического роста. Стратегию, при которой Америка будет больше сберегать, меньше расходовать, сокращать свой долгосрочный долг. Китай, в свою очередь, проведет перестройку широкого спектра позиций в своей экономической политике с тем, чтобы перебалансировать экономику в пользу поощрения внутреннего спроса. Это должно, по мнению сторон, привести к росту американского экспорта и занятости в США и повышению уровня жизни в КНР.

За пределами чисто финансово-экономических вопросов лежит двустороннее взаимодействие по проблеме климатических изменений. Вашингтону при новой администрации удалось убедить Пекин начать диалог в этой сфере, однако в позициях двух сторон наблюдаются глубокие расхождения, и торг тут предстоит серьезный, тем более что любые решения могут иметь значительные экономические последствия, а Китаю пойти на них по целому ряду причин будет чрезвычайно трудно.

К концу 2009 г. в результате взаимной притирки двусторонних отношений при администрации Обамы Вашингтон перестал (по крайней мере, на данный момент) рассказывать Пекину, как это было во времена Дж. Буша, что он должен научиться быть ответственным участником (a responsible stakeholder) мирового сообщества. Сейчас же говорится о том, что обе стороны понимают свою совместную ответственность в достижении кооперативистского подхода к вызовам в сфере региональной и глобальной безопасности в тот момент, когда международная обстановка претерпевает комплексные и глубокие изменения.

При этом Соединенные Штаты приветствовали возрастающую роль «сильного, процветающего и успешного» Китая в мировых делах. Тем самым, отвечая на опасения Китая, что США будут проводить стратегию сдерживания, препятствия росту экономической мощи азиатского гиганта.

В свою очередь, Пекин, реагируя на давно и часто высказываемые опасения, что наращивающий мощь Китай будет выдавливать Америку из региона, приветствовал роль Соединенных Штатов как азиатско-тихоокеанской державы, вносящей свой вклад в «мир, стабильность и процветание» в регионе.

Все это, понятно, отнюдь не исключает соперничества двух держав, но устанавливает для него рамки, в которых есть место и для широкого сотрудничества.